

Дегтяренко К. А. Фразеологизмы как средство создания комического в книге рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста» / К. А. Дегтяренко // Научный диалог. — 2018. — № 2. — С. 38—50. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-38-50.

Degtyarenko, K. A. (2018). Phraseological Units as a Means of Creating Comic Effect in Yu. Buyda's Book of Stories "Prussian Bride". *Nauchnyy dialog*, 2: 38-50. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-38-50. (In Russ.).

УДК 811.161.1'42:82-3+821.161.1Буйда.08

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-2-38-50

Фразеологизмы как средство создания комического в книге рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста»

© Дегтяренко Ксения Андреевна (2018), orcid.org/0000-0003-0058-650X, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Военный учебно-научный центр Военно-Морского Флота «Военно-морская академия им. Адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова», филиал в г. Калининграде (Калининград, Россия), [kseniya.degtyarenko@gmail.com](mailto:kсениа.degtyarenko@gmail.com).

Рассматриваются индивидуально-авторские способы структурно-семантического преобразования фразеологических единиц в книге рассказов Ю. Буйды. К преобразованиям этого типа у Ю. Буйды относятся следующие приёмы: вклинивание, добавление, лексическая замена, выведение фразеологизма на уровень подтекста. Сущность игрового приема состоит в восстановлении исходного, прямого значения лексем, составляющих фразеологическую единицу. Это достигается за счёт обыгрывания таких характерных особенностей фразеологизмов, как постоянство лексического состава, непроницаемость структуры фразеологических единиц, ограниченная способность сочетаться с другими элементами текста и присоединять зависимые слова. Выявлено, что в текстах Ю. Буйды приём реализован при помощи введения переменных (окаzionaliальных) лексических компонентов в структуру обновляемого фразеологизма, грамматических трансформаций, а также нарушения закреплённого порядка. В качестве новых, переменных компонентов автором используются лексемы той же тематической области или мотивированные логическими, внутритекстовыми и межтекстовыми связями. Преобразованный фразеологизм актуализирует исходный внешний облик и значение узуального фразеологизма. В работе показано, что проецирование преобразованного фразеологизма на контрастный фон, создаваемый исходной единицей, порождает содержательную многоплановость, что рассчитано на создание комического эффекта. Обнаружение новых, завуалированных смыслов является неисчерпаемым источником комического. Продемонстрировано

своеобразие феномена языковой игры, эксплуатирующего приём каламбурно-го фразеологизма, заключающееся в создании слоистой многозначности. Приём не ограничивается игрой переносного и прямого значений фразеологизма, а развивает целые смысловые ряды, предоставляя несколько альтернативных игровых вариантов интерпретации.

Ключевые слова: фразеологизм; структурно-семантическая трансформация фразеологизмов; каламбур; языковая игра; комический эффект.

1. Введение. Постановка проблемы

В современном языкознании отсутствует единое понимание предмета и объекта фразеологии. Всё множество и разнообразие точек зрения на природу фразеологии можно свести к двум основным направлениям. Представители первого вслед за В. В. Виноградовым ограничивают объект фразеологии группой устойчивых выражений, обладающих самостоятельным значением, близким к идиоматическому [Виноградов, 1977; Кунин, 1996 и др.]. Представители второго направления вслед за Н. М. Шанским считают объектом фразеологии любые воспроизводимые сочетания, в том числе и те, которые состоят из слов со свободными значениями, то есть отличаются семантической членимостью [Шанский, 1996; Телия, 1996; Санников, 2002; Мелерович, 1979; Мокиенко, 1989 и др.].

В настоящей работе мы придерживаемся второго — широкого — толкования фразеологизма и понимаем под ним, вслед за большинством исследователей, устойчивое сочетание слов, обладающее такими структурно-семантическими особенностями, как сверхсловность, относительная устойчивость в составе и структуре, а также в большинстве случаев полная или частичная семантическая преобразованность и непроницаемость [Розенталь и др., 2004, с. 110—111]. Исследователи говорят о неоднородности проявления тех или иных признаков у фразеологизмов, объясняя это тем, что фразеология объединяет довольно пестрый языковой материал с недостаточно определенно очерченными границами [Розенталь и др., 2004, с. 111]. В настоящей работе рассматриваются единицы от двусловных образований (идиом, устойчивых выражений) до сложных предложений (поговорок, паремий).

Фразеологизмы обладают большими игровыми возможностями [Земская, 1983, с. 213—214]. Актуализация игровых потенций фразеологических единиц наблюдается при преобразовании их семантических или / и структурных признаков, что приводит к тому, что одно и то же словосочетание воспринимается и как семантически целостное, неразложимое, устойчивое, и как свободное, семантически разложимое [Бабкин, 1970; Шмелев, 1977; Береговская, 1985; Земская, 1983; Мокиенко, 1990; Лукьянов, 1993; Шанский, 1996; Проблемы ..., 1996].

Объектом настоящего исследования являются способы структурно-семантического преобразования. К преобразованиям этого типа у Ю. Буйды относятся приемы, построенные на расширении компонентного состава фразеологизма (вклинивание, добавление), лексическая замена, выведение фразеологизма на уровень подтекста.

В настоящей работе вслед за рядом исследователей [Вакуров, 1994; Санников, 2002, с. 490] для обозначения приема языковой игры, построенного на столкновении двух смыслов фразеологизма — фразеологически связанного (переносного) и свободного (прямого), применяется термин *каламбур*. Механизм создания комического эффекта каламбурного фразеологизма состоит в том, что преобразованный фразеологизм актуализирует исходный внешний облик и значение узуального фразеологизма. Проецирование преобразованного фразеологизма на контрастный фон, создаваемый исходной единицей, порождает содержательную многоплановость, или «полифоническое звучание текста» [Земская, 1983, с. 214]. «Именно эта полифония, многоголосица, и есть тот источник, который придает эстетическое звучание речи» [Земская, 1983, с. 214].

2. Приемы, построенные на расширении компонентного состава фразеологизма

В данную группу входят следующие разновидности: *добавление* и *вклинивание*. Их общим признаком является обыгрывание такой особенности фразеологизмов, как непроницаемость структуры, ограниченная способность сочетаться с другими элементами текста и присоединять зависимые слова.

Начнем с приема добавления. Этот прием представляет собой структурно-семантическое преобразование фразеологизма, заключающееся в присоединении к его началу или концу одного или нескольких переменных компонентов. Переменным компонентом мы называем слово или сочетание слов, вводимое в структуру обновляемого фразеологизма в ходе его окказионального преобразования. В рассказе «Красавица Му» об одном из главных героев Петушке — получеловеке-полуптице — говорится, что он, «бесшумно взмахивая крыльями, *сваливался с неба в чужие спальни*, врасплох застигал женщин на пляжах и в садах, в общественной бане и даже в туалете. Крылья же помогали ему спастись от разгневанных мужчин, которые спешили обзавестись охотничьими ружьями и в свободное время отрабатывали технику стрельбы влет» [Буйда, 1998, с. 72]. В данном случае обыгрыванию подвергается фразеологизм *свалиться с неба*, ядерный компонент которого (*свалиться*) меняет категорию вида — ис-

ходный глагол совершенного вида заменяется на несовершенный. Кроме того, фразеологизм получает распространение в виде переменного словосочетания, указывающего на место приземления: *чужие спальни*. Присоединение данного обстоятельственного компонента порождает смысловую неоднозначность: на фоне образного значения фразеологизма 'неожиданно, внезапно появляться, возникать' начинает «мерцать» его прямой смысл 'падать с неба'. Буквальное значение, реализуемое в сочетании с компонентом *чужие спальни*, также поддерживается указанием на способность Петушка летать: *бесшумно взмахивая крыльями* [Буйда, 1998, с. 72], что позволяло ему в прямом смысле падать с неба. Итак, результатом языковой игры является двойная актуализация: одновременно реализуется фразеологическое и свободное значение словосочетания.

Другим способом создания каламбурной многозначности этого же типа является преобразование фразеологизма в зевгматическую конструкцию при помощи союза *и*, присоединяющего к фразеологизму однородные компоненты — равноценные в грамматическом отношении, но семантически разноплановые. В рассказе «Красавица Му» перечисляются жертвы Петушка: «Первой жертвой пала Общая Лиза, которая после встречи с Петушком *утратила дар речи и ботинки*» [Буйда, 1998, с. 72]. Зевгматическая конструкция *утратила дар речи и ботинки* создается присоединением к устойчивому словосочетанию *утратить дар речи* переменного компонента *ботинки* — однородного в синтаксическом плане. Комический эффект создается за счет семантической неоднородности однородных членов: идиома *дар речи* принадлежит к отвлеченному разряду понятий, а существительное *ботинки* называет предмет реальной действительности, то есть является конкретным. Высокая степень семантической отдаленности двух лексических компонентов приводит к резкому неожиданному повороту в управляемой цепочке: от конвенционального (абстрактного *дар речи*) к переменному (конкретному *ботинки*), что и вызывает комический эффект. Комизм, основанный на нарушении смысловой однородности слов сочинительного ряда, создается и за счет нарушения сочетаемостных возможностей глагола *утратить*. Дело в том, что глагол в силу особенностей коннотативной семантики может сочетаться с ограниченным рядом зависимых слов, в число которых не входит существительное *ботинки*. Расширение сферы реализации глагола *утратить* является одним из приемов языковой игры, рассчитанных на комический эффект.

Другим способом преобразования, вызывающим, по словам В. М. Мокиенко [Мокиенко, 1990, с. 117], «семантическое перенапряжение» фразеологизма, является распространение фразеологической единицы за счет

вклинивания в ее состав новых, зависимых компонентов. Появление окказионального (переменного) элемента, как правило, мотивировано контекстом. В рассказе «Ванда Банда» говорится, что мать главной героини «до самой смерти была убеждена, что внутри у нее живет *лягушка*, которая проникла в желудок — а оттуда в печень — головастиком, когда женщина однажды в лесу утолила жажду из придорожной лужи. Чтобы избавиться от неприятного ощущения, она *глушила лягушку водкой*» [Буйда, 1998, с. 76]. Целостность и непроницаемость фразеологизма *глушить водку* нарушается за счёт вклинивания нового зависимого слова, указывающего на реалию *лягушка*, упоминание о которой встречается в предыдущем фрагменте текста. Преобразование затрагивает и категорию падежа: винительный падеж лексемы *водку* (в конвенциональном фразеологизме *глушить водку*) заменяется на форму творительного *водкой* (*глушить водкой*). В результате преобразований в ядерном слове *глушить* реализуются одновременно два разных смысла: первый соотносится с лексемой *водка* (‘много пить’ [Ожегов, 1985, с. 115]); второе значение, актуализируемое в соположении с переменным лексическим компонентом *лягушка* (‘приводить в бесчувствие’ [Ожегов, 1985, с. 115]), носит окказиональный характер и выводится на основе узуального устойчивого словосочетания *глушить рыбу*.

В рассказе «Чёрт и аптекарь» о появлении чёрта большинство жителей городка узнает на следующее утро, «наступившее *при гробовом петушином молчании*» [Буйда, 1998, с. 61]. В данном случае цельность фразеологической единицы *гробовое молчание* разрушается за счёт вклинивания окказионального эпитета — *петушиный*. Новая лексема мотивирована главной сюжетобразующей темой рассказа: появлением чёрта. О символике петушиного крика и его действии на чертей пишет А. Н. Афанасьев: «По мнению наших крестьян, крик петухов служит сигналом, что на небе звонят к заутрене; как скоро раздастся ор, черти, мертвецы, колдуны и ведьмы спешат разойтись по своим местам» [Афанасьев, 1994, с. 263]. Итак, петух «не разбудил» солнце — утро наступило при «гробовом петушином молчании» [Буйда, 1998, с. 61]. Отсутствие солнца позволяет чёрту творить свои «тёмные» дела. Только в конце рассказа, когда чёрт покидает городок, солнце поднимается на небо. «И долго искала Дуня подходящие слова, чтобы проститься с покойным, — но так и не нашла ничего лучше, как приветствовать *восходящее солнце* фразой: «Прощай!..» [Буйда, 1998, с. 68].

В рассмотренном случае авторское преобразование стертого фразеологизма в выражение *гробовое петушиное молчание* способствует оживлению исходного значения фразеологической единицы, которое ассоциатив-

но актуализирует тему загробной (потусторонней) жизни, широко представленную в тексте рассказа при помощи следующих номинаций: *чёрт*, *похоронная процессия*, *фабрика по изготовлению гробов*, *чёрная кошка*, *кентавр* (в литературе и искусстве Византии и Западной Европы кентавр считался одним из воплощений дьявола, а также изображался в качестве служителя дьявола [Тахо-Годи, 1980, с. 639]), *жар* и *огненный вихрь* («черт выпал из пахнущего *шафраном жаркого пыльного вихря*» [Буйда, 1998, с. 59]). Ворование, что вихрь — это чёрт или что в нём «прячется» чёрт, известно почти всем славянам и находит отражение во многих сказках, заклинаниях, заговорах и суевериях [Толстой, 1995, с. 262—263]; желто-оранжевый цвет шафрана, в который окрашивается вихрь, — это цвет огня, цвет чёрта.

Итак, трансформация фразеологизма осуществляется здесь с помощью такого приема, как игра со структурой образного выражения, основанная на расширении компонентного состава фразеологической единицы, а также на привлечении буквализирующей развёртки, которая принадлежит с трансформированным фразеологизмом к общему лексико-семантическому полю «Загробная жизнь». Результатом авторской языковой игры является каламбурное сосуществование исходного, образного и окказионального, прямого значения фразеологизма.

3. Прием лексической замены

Приёмы, входящие в данную группу, основаны на обыгрывании такой характерной особенности фразеологизмов, как постоянство лексического состава. Общеязыковым источником комического эффекта является замена узуальных компонентов фразеологизма на окказиональные, авторские. В качестве новых, переменных компонентов автором используются лексемы того же тематического ряда. В рассказе «Красная столовая» на новость о том, что «жена Мишки Чер Сена разродилась девятым черсененком», дед Муханов отозвался, пережевывая котлету и не вынимая при этом изо рта самокрутку: «*Она у тебя не сидит, сложя ноги*» [Буйда, 1998, с. 150]. В качестве исходной единицы используется фразеологизм *сидеть сложя руки* ‘бездельничать’, в котором происходит замена узуального компонента *руки* на окказиональный *ноги*, принадлежащий той же тематической области «конечности человека». Структурно-семантически преобразованный фразеологизм *не сидит сложя ноги* благодаря соположенности с исходной единицей *сидеть сложя руки* ‘бездельничать’ актуализирует обратный ей смысл ‘не бездельничать’. Семантика ‘отсутствия бездельности’ поддерживается контекстом, из которого мы узнаём, что «жена

Мишки Чер Сена разродилась девятым черсененком» [Буйда, 1998, с. 150]. Итак, женщина «ведёт продуктивную деятельность» по рождению детей. Таким образом, авторский фразеологизм построен на «мерцании» смыслов, восстановление логической связи между которыми доставляет интеллектуальное удовольствие, представляющее собой одну из форм выражения комического.

При этом же способе создания каламбурной многозначности исходный фразеологизм может предшествовать появлению в тексте преобразованного на его основе окказионального фразеологизма. Из рассказа «Чудо о Буянихе» мы узнаем, что после разговора с Буяном, мужем Буянихи, «Прокурор долго сидел в кабинете». Наутро он сделал предложение той, которая стала его женой. И когда доктор Шеберстов насмешливо спросил, с чего бы это «достоуважаемый правовед так скоропалительно забыл *даму сердца* и обзавелся *дамой желудка*», Прокурор ровным голосом ответил: «Если вы еще раз позволите себе неуважительный выпад по адресу моей жены, я набью вам морду, доктор Шеберстов» [Буйда, 1998, с. 107]. В данном случае исходная фразеологическая единица *дама сердца*, на основе которой образован авторский оборот *дама желудка*, эксплицирована в пределах реплики одного героя (доктора Шеберстова), что облегчает процесс восприятия и интерпретации. Основой комического эффекта является установление между фразеологизмами антонимических отношений — на уровне оценочной коннотации. Фразеологизм *дама сердца* ('возлюбленная'), отсылающий к временам благородных рыцарей и актуализирующий духовную составляющую, вступает в контраст с семантикой индивидуально-авторского фразеологизма *дама желудка*, переменный компонент которого связан с представлениями о материальном начале. Семантическая рассогласованность и резкая оценочная противопоставленность, провоцирующая комический эффект, наблюдается и внутри производного фразеологизма *дама желудка*. Здесь налицо несоответствие коннотативной семантики его компонентов: основной субъект метафоры *дама* имеет значение 'женщина высших сословий, госпожа, барыня и пр.' [Ожегов, 1985, с. 130], резко контрастирующее с семантикой переменного компонента *желудок*, актуализирующего некий сниженный и бытовлѐнный образ этой «дамы».

В контексте рассказа оба оборота, помимо своих фразеологически связанных значений, одновременно реализуют прямые значения, указывающие на их биологическую, или физиологическую, составляющую. В обороте *дама сердца* на фоне переносного значения вспомогательного субъекта *сердце* как органа эмоциональной сферы ('как символа души, переживаний, чувств, настроений' [Ожегов, 1985, с. 619]) начинает «мерцать»

значение, указывающее на физиологическую характеристику сердца как органа тела. Это достигается при его соположении с оборотом *дама желудка*, вспомогательный субъект которого не имеет словарного образного соответствия — единственно зафиксированное словарное значение лекси́мы *желудок*: ‘орган пищеварения’ [Ожегов, 1985, с. 164—165]. На основе этого сопоставления *сердце* начинает рассматриваться как орган тела, аналогично желудку, то есть происходит актуализация буквальных значений образных выражений.

Прямое значение поддерживается и контекстом, в котором особенно подчёркивается, что оба фразеологизма принадлежат доктору, то есть человеку, непосредственно имеющему дело с органами человека, в том числе и внутренними. Игровое сосуществование двух планов — переносного и буквального — провоцирует создание комического эффекта.

4. Комплексное применение структурно-семантических преобразований фразеологизмов

В некоторых случаях обнаружение фразеологизма в тексте может представлять собой гораздо более сложную задачу. Это касается подтекстовых фразеологизмов. Скрытость фразеологических единиц достигается за счет применения автором целого ряда приемов: изменения лексического состава, использования иных грамматических форм, нарушения закрепленного порядка и пр. Вследствие этого фразеологизм лишается структурно-семантической целостности и получает статус свободного сочетания, каждый компонент которого обладает самостоятельным значением.

Соположение двух оборотов из анализируемого выше рассказа «Чудо о Буяниках» — *дама сердца* и *дама желудка* — высвечивает контекстуально заявленную (но не названную) паремию с теми же лексическими компонентами *сердце* и *желудок*: *путь к сердцу мужчины лежит через желудок*. В рассказе дамой желудка является Прокурорша. Получается, что она нашла самый короткий путь к сердцу Прокурора — через желудок, став в результате его женой.

В рассказе «Чёрт и аптекарь» повествователь, уличая всех во лжи по поводу обстоятельств появления чёрта, заявляет: «Лгут, врут и брешут свидетели! Все было по-другому. Итак, свидетельствую. Черт появился у нас в *четверг, сразу по окончании затяжных дождей*, когда у человека, рискнувшего проболтать на улице с приятелем больше пяти минут, в сапогах заводились крохотные головастики» [Буйда, 1998, с. 60]. Свершение нереального, невероятного события — появления в городке чёрта — происходит в «*четверг, сразу по окончании затяжных дождей*». Соположение

всех обстоятельств ассоциативно реконструирует шутивную поговорку *после дождичка в четверг*, используемую для описания того, что не произойдет никогда. В контексте рассказа это фразеологическое, семантически спаянное значение слабо «мерцает» на фоне преобразованной поговорки, превращённой автором в сочетание, каждый член которого семантически независим и получает развитие в тексте рассказа. Так, развёртывание ключевого компонента *дождь* акцентируется автором за счет гротескной гиперболы, используемой с установкой на создание комического эффекта. Дождь имел настолько затяжной характер, что «у человека, рискнувшего проболтать на улице с приятелем больше пяти минут, в сапогах заводились крохотные головастики» [Буйда, 1998, с. 60]. Результатом развёртывания поговорки в тексте рассказа является материализация её смысла ‘никогда’, интерпретируемого как нечто абсурдное, неправдоподобное, нереальное. Этот смысл поддерживается контекстом пассажа, который начинается следующим образом: «Лгут, врут и брешут свидетели! Все было по-другому. Итак, свидетельствую». Данное утверждение представляет собой вариацию на тему известного в логике «парадокса лжеца»: «То, что я утверждаю сейчас, ложно» (если это высказывание истинно, то оно ложно, и в то же время, если оно ложно, то истинно). В тексте рассказчик заявляет, что все свидетели врут. Однако, излагая свою версию происходящего, рассказчик использует глагол *свидетельствовать*, однокоренной с лексемой *свидетели* (указывающей на субъекты лжи): «Итак, свидетельствую». Это означает, что и он тоже врёт, поскольку входит в число тех же свидетелей (о которых рассказчик говорил ранее, что они лгут). Кроме того, если же предположить, что рассказчик говорит правду, то это входит в логическое противоречие с фамилией рассказчика *Буйда* (если отождествить рассказчика и автора), означающей ‘ложь, обман, выдумка’. Итак, рассказчик есть лжец. Если лжец заявляет, что он сейчас говорит правду, то все сказанное им будет ложью. Следовательно, всё, что сообщает повествователь — ложь, выдумка, обман. Выявленный смысл отражает эстетические взгляды писателя на иллюзорную природу искусства.

5. Выводы

Итак, структурно-семантические приемы преобразования фразеологических единиц построены на обыгрывании таких характерных особенностей фразеологизмов, как постоянство лексического состава, непроницаемость структуры фразеологических единиц, ограниченная способность сочетаться с другими элементами текста и присоединять зависимые слова. В текстах Ю. Буйды прием реализован при помощи введения переменных

(окказиональных) лексических компонентов в структуру обновляемого фразеологизма, грамматических трансформаций, а также нарушения закрепленного порядка. В качестве новых, переменных компонентов автором используются лексемы того же тематического ряда или мотивированные логическими, внутритекстовыми и межтекстовыми связями.

В художественном мире Ю. Буйды своеобразие индивидуально-авторского феномена языковой игры, эксплуатирующей прием каламбурного фразеологизма, проявляется в создании слоистой многозначности. Прием не ограничивается игрой переносного и прямого значений фразеологизма, а разворачивается до сложной смысловой игры, развивая целые смысловые ряды и предоставляя несколько альтернативных игровых вариантов интерпретации. На его основе автор выстраивает сюжетные линии многих рассказов, которые игровым образом переплетаются, образуя сложную систему. Выявление приема часто требует активизации фоновых знаний и совершения ряда мыслительных операций. Обнаружение новых, завуалированных смыслов является неисчерпаемым источником комического.

Источники

1. *Буйда Ю.* Прусская невеста / Ю. Буйда. — Москва : Новое литературное обозрение, 1998. — 320 с.

Литература

1. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. В 3 т. Т. 1 / А. Н. Афанасьев. — Москва : Индрик, 1994. — 801 с.

2. *Бабкин А. М.* Русская фразеология, ее развитие и источники / А. М. Бабкин. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1970. — 261 с.

3. *Береговская Э. М.* Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры / Э. М. Береговская // Вопросы языкознания. — 1985. — № 5. — С. 59—67.

4. *Вакуров В. Н.* Фразеологический каламбур в современной публицистике / В. Н. Вакуров // Русская речь. — 1994. — № 6. — С. 40—47.

5. *Виноградов В. В.* Основные типы фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография : избранные труды. — Москва : Наука, 1977. — С. 140—161.

6. *Земская Е. А.* Языковая игра / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. — Москва : Наука ; Флинта, 1983. — С. 172—214.

7. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка : учебник для институтов и факультетов иностранного языка / А. В. Кунин. — Москва : Высшая школа, Дубна, 1996. — 381 с.

8. *Лукьянов С. А.* О классификации зевгматических конструкций / С. А. Лукьянов // Филологические науки. — 1993. — № 1. — С. 70—79.

9. Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка : учебное пособие по спецкурсу / А. М. Мелерович. — Ярославль : Издательство Костромского педагогического института им. Н. А. Некрасова, 1979. — 79 с.

10. Мокиенко В. М. Славянская фразеология : учебное пособие для вузов по специальности «Русский язык и литература» / В. М. Мокиенко. — Москва : Высшая школа, 1989. — 287 с.

11. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии / В. М. Мокиенко. — Москва : Высшая школа, 1990. — 160 с.

12. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. — Москва : Русский язык, 1985. — 796 с.

13. Проблемы фразеологической семантики / С. С. Волков [и др.]. — Санкт-Петербург : СПбГУ, 1996. — 172 с.

14. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. — Москва : Айрис-пресс, 2004. — 448 с.

15. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 552 с.

16. Тахо-Годи А. Кентавр / А. Тахо-Годи // Мифы народов мира. В 2 т. Т. 1. — Москва : Советская энциклопедия, 1980. — С. 639.

17. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 288 с.

18. Толстой Н. И. Язык и народная культура : очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой. — Москва : Индрик, 1995. — 512 с.

19. Шанский Н. М. Фразеология современного русского литературного языка / Н. М. Шанский. — Санкт-Петербург : Специальная литература, 1996. — 192 с.

20. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика / Д. Н. Шмелев. — Москва : Просвещение, 1977. — 335 с.

Phraseological Units as a Means of Creating Comic Effect in Yu. Buyda's Book of Stories "Prussian Bride"

© Degtyarenko Kseniya Andreyevna (2018), orcid.org/0000-0003-0058-650X, PhD in Philology, associate professor, Department of Foreign Languages, Military educational and scientific centre of the Navy N. G. Kuznetsov Naval Academy, Kaliningrad branch (Kaliningrad, Russia), kseyiya.degtyarenko@gmail.com

The article considers individual author's methods of structural and semantic transformation of phraseological units in Yu. Buyda's book of stories. Transformations of this type in Yu. Buyda's works include the following techniques: wedging, adding, lexical replacement, removal of idiom on the level of subtext. The essence of the game technique is to restore the original, direct meaning of the lexemes constituting a phraseological unit.

This is achieved by playing out such characteristic features of phraseological units as the constancy of the lexical composition, the impermeability of the structure of phraseological units, the limited ability to combine with other elements of the text and attach dependent words. It is revealed that in the texts of Yu. Buyda this technique is implemented by introducing variables (occasional) lexical components in the updated structure of the idiom, grammatical transformations, as well as fixed order violations. As new, variable components the author uses lexemes of the same thematic area or those motivated by logical, intra-text and inter-text connections. The transformed phraseology unit actualizes the original appearance and meaning of the usual idiom. The paper shows that projecting the transformed phraseology on a contrast background created by the original unit generates a meaningful multiplicity, which is intended to create a comic effect. The discovery of new, hidden meanings is an inexhaustible source of comic. The originality of the phenomenon of language game, exploiting the technique of punish phraseology, which consists in the creation of layered polysemy, is demonstrated. The technique is not limited by the game of figurative and direct meanings of phraseology unit, but develops entire semantic series, providing several alternative game variants of interpretation.

Key words: idiom; structural-semantic transformation of phraseological units; pun; word-play; comic effect.

Material resources

Buyda, Yu. 1998. *Prusskaya nevesta*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).

References

- Afanasyev, A. N. 1994. *Poeticheskiye vozzreniya slavyan na prirodu. 3/1*. Moskva: Indrik.
- Babkin, A. M. 1970. *Russkaya frazeologiya, ee razvitiye i istochniki*. Leningrad: Nauka. Leningradskoye otdeleniye. (In Russ.).
- Beregovskaya, E. M. 1985. Problemy issledovaniya zevgmy kak ritoricheskoy figury. *Voprosy yazykoznanija*, 5: 59—67. (In Russ.).
- Kunin, A. V. 1996. *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka: uchebnik dlya institutov i fakultetov inostrannogo yazyka*. Moskva: Vysshaya shkola, Dubna. (In Russ.).
- Lukyanov, S. A. 1993. O klassifikatsii zevgmaticeskikh konstruktsiy. *Filologicheskiye nauki*, 1: 70—79. (In Russ.).
- Melerovich, A. M. 1979. *Problema semanticheskogo analiza frazeologicheskikh edinits sovremennogo russkogo yazyka: uchebnoye posobiye po spetskursu*. Yaroslavl: Izdatelstvo Kostromskogo pedagogicheskogo instituta im. N. A. Nekrasova. (In Russ.).
- Mokiyenko, V. M. 1989. *Slavyanskaya frazeologiya: uchebnoye posobiye dlya vuzov po spetsialnosti «Russkiy yazyk i literatura»*. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
- Mokiyenko, V. M. 1990. *Zagadki russkoy frazeologii*. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I. 1985. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Russkiy yazyk. (In Russ.).

- Rozental', D. E., Golub, I. B., Telenkova, M. A. 2004. *Sovremennyy russkiy yazyk*. Moskva: Ayris-press. (In Russ.).
- Sannikov, V. Z. 2002. *Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kultury. (In Russ.).
- Shanskiy, N. M. 1996. *Frazeologiya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Sankt-Peterburg: Spetsialnaya literatura. (In Russ.).
- Shmelev, D. N. 1977. *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika*. Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).
- Takho-Godi, A. 1980. Kentavr. *Mify narodov mira. 2/1*. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.).
- Teliya, V. N. 1996. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty*. Moskva: Yazyki russkoj kultury. (In Russ.).
- Tolstoy, N. I. 1995. *Yazyk i narodnaya kultura: ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike*. Moskva: Indrik. (In Russ.).
- Vakurov, V. N. 1994. Frazeologicheskiy kalambur v sovremennoj publitsistike. *Russkaya rech*, 6: 40—47. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. 1977. Osnovnyye tipy frazeologicheskikh edinit v russkom yazyke. In: *Leksikologiya i leksikografiya: izbrannyye trudy*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Volkov, S. S. 1996. *Problemy frazeologicheskoy semantiki*. Sankt-Peterburg: SPbGU. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A., Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. 1983. Yazykovaya igra. In: *Russkaya razgovornaya rech. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest*. Moskva: Nauka; Flinta. (In Russ.).